

Юлия Санникова

**Расследования
официальные
и не очень**

Рассказы

12+

Юлия Санникова

**Расследования
официальные и не очень**

«Автор»

2019

Санникова Ю. В.

Расследования официальные и не очень / Ю. В. Санникова —
«Автор», 2019

У кого были причины убивать мадам Летурно, страдавшую неизлечимой болезнью? И как умерла Франсуаза Буаншо, найденная в собственной гостиной в пижаме и с берушами в ушах? Инспектор Лора Клеп из льежской криминальной полиции и месье Жан Пикар, ведущий популярнейшей во Франции передачи о громких преступлениях, каждый в свою очередь, пытаются разобраться в запутанных обстоятельствах дел.

Содержание

Расследует Льежская полиция	5
Убийство мадам Летурно	5
Рисунок мастера	13
Наследство дяди Вима	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юлия Санникова

Расследования официальные и не очень

Расследует Льежская полиция

Убийство мадам Летурно

Родни ван Торн решительно нажал на звонок рядом с массивной дверью большого особняка в стиле ар-нуво. Ответа не последовало. Ван Торн шумно вздохнул, огляделся по сторонам, и нажал на кнопку еще раз, на этот раз вдавив ее сильнее. Большую матерчатую торбу он прислонил к кирпичной стене. В торбе был складной массажный стол, тонкий матрас из поролона в белом хлопчатобумажном чехле и небольшая подушка. Во внушительных размерах спортивной сумке, висевшей у него на плече, были флаконы с массажным маслом; марокканской смесью – как любила Патрисия Летурно, ароматические свечи, влажные салфетки и полотенца.

Родни ван Торн был высоким мускулистым мужчиной в самом расцвете сил с черными как вороново крыло волосами и трехдневной щетиной. Он продолжал настойчиво звонить в дверь особняка, когда заметил фургон почтальона, медленно приближавшийся к дому. Почтальон Жиль Женеро, маленький толстенький человечек, похожий на сантехника из известной компьютерной игры, издали заметил ван Торна и помигал ему фарами. Родни в ответ приветственно поднял руку. Подъехав вплотную к тротуару, так что колесные диски царапнули по бордюру, Женеро открыл дверь и вышел из машины:

– Добрый день, месье ван Торн! – сказал он, широко улыбаясь.

– Добрый, – подтвердил массажист. Несмотря на то, что он покинул Брюссель много лет назад, у него сохранился характерный столичный акцент.

– Вы не в курсе, – продолжал он, – мадам Летурно дома?

Жиль Женеро пожал плечами, давая понять, что не располагает такой информацией.

– Ничего не понимаю, она назначила сеанс на половину второго. Сказала, что ей лучше принимать массаж после обеда.

Женеро вытащил свой смартфон и взглянул на часы, они показывали 13.39.

– Я стучал несколько раз, потом позвонил ей на мобильный, но ответа нет ни там, ни там. Может быть она забыла про сеанс и ушла куда-то? Хотя она ни разу не пропускала массаж, и сама каждый раз звонит перед сеансом и подтверждает его.

Женеро кивал головой, как бы подтверждая слова ван Торна, а затем осторожно открыл калитку и направился прямо к гаражу, после чего заглянул через щель внутрь.

– Машина на месте, но мадам Летурно в магазин и на процедуры ездит на велосипеде, – протянул он задумчиво. – А нет, вот и велик стоит, – добавил он кивая в сторону веранды. – А может она просто заснула и не слышит звонка? Вы в окно стучать не пробовали? Когда стучишь по стеклу слышно намного лучше.

Решительно подойдя к окну Женеро забарабанил в него, а потом поставил руки домиком и, прищурив глаза, постарался разглядеть, что происходит внутри, громко крича при этом:

– Мадам Летурно, вы там?

Ответом ему была мертвая тишина.

Родни ван Торн, переминавшийся все это время с ноги на ногу, с сомнением в голосе, сказал, что, видимо, мадам Летурно все же про него забыла и куда-то ушла, поэтому не стоять же ему тут всю дорогу, он поедет домой, после чего стал навьючивать на себя свои сумки.

– Да ну что вы в самом деле, – запротестовал Женеро, – никуда она не ушла, я бы ее встретил! Я сейчас обойду дом и постучу на веранде, может она в саду? Хотя, ну что там можно делать в феврале!

С притворным возмущением он стал оглядывать дом, заглядывая попеременно во все окна, которыми целиком была забрана стена. Дойдя до кухни, Женеро и ван Торн, следовавший за ним по пятам, увидели сквозь приоткрытую занавеску мадам Летурно, лежащую на полу прямо напротив кухонного стола – совершенно мертвую.

– Я сразу же позвонил в службу спасения, – рассказывал потом Женеро, – в таких случаях всегда надо звонить в службу спасения, они уж потом сами решат, кого вызывать скорую или пожарных. А этот ван Торн прямо оцепенел, не мог сдвинуться с места от шока. Я говорю ему «Надо дождаться спасателей», а он только про свою машину волновался, он ее оставил на парковке у почты, а там бесплатно можно только 30 минут, и все порывался пойти ее переставить. Не понимаю таких людей, тут человек умирает, а он думает о том, что плохо припарковался! Вот как так можно? В общем стоим мы, ждем спасателей и тут к нам как раз подходит месье Трамбле, муж убитой, – последнее слово Женеро произносил закатывая глаза, как бы сообщая в каком шоке он пребывал, когда увидел спокойно идущего Анри Трамбле.

Затем почтальон замолчал и ждал наводящих вопросов, которые следовали почти сразу же: «И что он вам сказал?» После чего с утроенной энергией продолжал повествование:

– Сказал, добрый день месье Женеро, и таким тоном как будто все нормально. И сам весь такой вальяжный и спокойный, идет к двери достает ключ и собирается открывать дверь. Нет, ну вот как вы себе это представляете?

Конечно, вся деревня принялась судачить о таком странном поведении мужа. Кто-то, впоследствии так и не доискались кто, имевший родственников, работающих в банке, а может выведавший информацию у местного нотариуса, поделился, что у Летурно и Трамбле был подписан контракт, по которому в случае смерти супруга другой становился наследником, а еще на каждого была оформлена крупная страховка. Страховая выплата в случае внезапной кончины составляла 200 тысяч евро. Исходя из полученной информации, местные сплетники сделали логичный вывод.

Инспектор Лора Клеп, немолодая женщина, возглавлявшая льежский отдел криминальной полиции, очень строгая и дотошная, в тот же день начала расследование, и сначала допросила сотрудника службы спасения, прибывшего на место происшествия первым.

– Что в прежде всего бросилось вам в глаза?

– Я сразу понял, что женщина мертва, окоченение уже началось, руки были неестественно выгнуты.

– Вы тем не менее осмотрели тело? Переглядывали там что-то или переворачивали его?

– Я обязан это сделать, мадам, должен был убедиться, что реанимация не требуется.

– Установили, что жертва была задушена?

– Да, странгуляционная борозда была видна отчетливо, сомнений нет, задушена чем то широким и мягким, типа шерстяного шарфа.

– Рядом с телом был найден шарф?

– Нет, мадам.

– Во что была одета жертва?

– На ней был фланелевый банный халат, а под ним только трусы. Кончики волос были мокрыми. По всей вероятности она недавно была в душе и не успела еще переодеться в обычную одежду.

– А чем от вас пахнет? – спросила инспектор морща нос и принюхиваясь.

– А это какая-то банка, наверное с духами или шампунью, она закатилась под шкаф и пролилась там, а я пока возился у тела наступил в нее и теперь вот благоухаю.

– Запах вообще-то неплохой, – веско заметила Клеп, – но помыть обувь все же стоит.

Поговорив с санитаром, Клеп вызвала к себе Хьюг Дэгля, сержанта, собиравшего показания у свидетелей. Войдя в кабинет начальника с важным видом и сверяясь с заметками на планшете, он принялся рассказывать:

– Месье Анри Трамбле, муж убитой мадам Патрисии Летурно показал, что вчера после обеда, в 16.23 (он посмотрел в журнале входящих вызовов мобильного), ему позвонили со скрытого номера, и сказали, что некий профессор из Франции, специалист по средневековым саркофагам, хотел бы осмотреть в муниципальном музее, где работает месье Трамбле, саркофаг святой Хильды. Встречу назначили на 13.00.

– В муниципальном музее действительно имеется такой саркофаг, сержант?

– Да, мы проверили, саркофаг был найден в 1977 г. и теперь экспонируется в постоянной коллекции музея.

– Хорошо, а что профессор, подтверждает факт встречи?

– К сожалению, никакого профессора не приехало, – сообщил Дэгль, наслаждаясь произведенным его словами эффектом.

– Как не приехало? – инспектор Клеп внимательно посмотрела на него, приподняв бровь, – а кто же тогда звонил?

– Звонили через Интернет, кто – неизвестно.

– Хорошо, а что месье Трамбле?

– Он, как и было условлено отправился к 13.00 в музей, благо идти ему 5 минут, и ждал там. Около 13.20 он зашел в коллегиальный собор святых Хильды и Катрины, который примыкает к муниципальному музею, и выпил там кофе с церковной экономкой. Без двадцати два он решил, что ждать больше не имеет смысла и пошел домой.

– Экономка подтверждает это?

– Да, мадам.

– Ваше мнение, сержант? – строго взглянув на него поверх очков спросила инспектор, – как вы думаете, кто первый на подозрении?

– Ну, – Дэгль широко улыбнулся, – все указывает на то, что убил муж, а потом сфабриковал себе алиби. Ясно как божий день, что мотив и возможность были именно у него.

– Н-да, – задумчиво проговорила инспектор, – действительно, с имеющимися у нас уликами месье Трамбле придется несладко

На самом деле инспектору было симпатичен Анри Трамбле. Собрав о нем данные, Клеп выяснила, что он преподавал в Льежском университете историю искусств, специализировался на средних веках, но в какой-то момент так увлекся работой, что буквально забыл о себе. Работа не только поглотила все его время, но и перемолола его самого. Врачи констатировали у него неврастению и синдром выгорания и отправили на длительный больничный. Чтобы совсем не упасть духом, месье Трамбле стал подрабатывать на полставки в муниципальном музее, где рассказывал туристам о захоронениях эпохи Меровингов, в изобилии имевшихся в долине Мааса, и о постройке коллегиального собора святых Хильды и Катрины, этого архитектурного шедевра эпохи пламенеющей готики. В Сен-Катрин-сюр-Мёз он поселился после женитьбы на Патрисии Летурно шесть лет назад.

«Пат была организатором одного обеда, на который меня пригласили, у нее тогда был небольшой бизнес по доставке готового питания, и она подрабатывала сервировкой банкетов. Я увидел как она порхала от столика к столику, всем улыбалась, всех привечала. Она была вся такая изящная и светящаяся, что у меня от нее просто дух захватило. Я и подумать не мог, что такая девушка обратит на меня внимание, и был на седьмом небе, когда она взяла мой телефон, а потом и позвонила мне», – поделился месье Трамбле подробностями знакомства с женой с сержантом Фоной Марган.

Сержант Мартан видела убитую, ее строгий овал лица, роскошные каштановые волосы, точеные плечи и длинные пальцы рук, поэтому была согласна с Анри Трамбле, ему действительно несказанно повезло заполучить в жены такую красавицу.

В общем, мадам Летурно не только позвонила Анри Трамбле, но и стала с ним встречаться, а спустя год частых встреч и трех совместных поездок в отпуск, вышла за него замуж. Похоже, что и после свадьбы месье Трамбле не мог поверить в свое счастье и пребывал в постоянной романтической эйфории, забрасывал жену цветами и подарками, что однако, не уберегло его от эмоционального выгорания на службе. Некоторая отрешенность и меланхоличность, особенно усилившиеся у него после болезни, были истолкованы многими как признак хладнокровия и беспринципности, толкнувших его на преступление.

Сен-Катрин-сюр-Мёз была погребена под лавиной обсуждений и толков. Полиция выясняла подробности жизни супругов у всех знакомых с Патрисией Летурно и Анри Трамбле, доискивалась, кем они были до приезда в деревню.

Раньше мадам Летурно была замужем и работала в столице, в агентстве по усыновлению. Потом оставила работу и открыла домовую кухню с доставкой готовой еды. Бизнес хорошо развивался, мадам Летурно показала себя блестящим организатором, дело быстро окупилось и стало приносить существенную прибыль, а вот семейная жизнь не заладилась, и с первым мужем она развелась. А потом на одном из организованных обедов встретила Анри Трамбле, вышла за него замуж и переехала в Сен-Катрин-сюр-Мёз.

Пара жила душа в душу, пока на ее долю не свалились несчастья. Сначала сторел на работе Анри Трамбле, а потом у Патрисии Летурно диагностировали рассеянный склероз. Медленное, изнурительное течение болезни поглощало все силы несчастной и сильно сказалось на работоспособности. Она вынуждена была принимать массу лекарств, некоторые из них буквально пригвождали ее к постели, силы больной иссякали. Мадам Летурно не сдавалась, она понимала, что болезнь рано или поздно сведет ее в могилу, но не собиралась опускать руки. «Качество жизни – это то, за что стоит бороться», – любила говорить Патрисия Летурно. Она увлеклась йогой, плаванием, попробовала дыхательную гимнастику, грязелечение, массаж, акупунктуру. Удивительно, но все вкупе, а может быть что-то одно вдруг подействовало, и к мадам Летурно стала возвращать радость жизни, у нее появились силы на работу и даже на копание в саду, где она выращивала пряности для своей кухни.

И вот, когда казалось жизнь стала понемногу налаживаться, мадам Летурно убили!

Инспектор Клеп, придя со службы домой и согреваясь вечерним чаем, который она пила в одиночестве у камина, размышляла о деле Патрисии Летурно. Ее сотрудники – Хьюг Дэгли и Фона Мартан – не сомневались в том, что убийца муж. По их мнению, дело было решенным – Анри Трамбле задушил жену, затем пошел в муниципальный музей, чтобы создать себе алиби. Как выяснилось, из университета никто не звонил, и никакого профессора по саркофагам в Сен-Катрин-сюр-Мёз не направляли. Дэгли считал, что историю с профессором Трамбле выдумал специально, чтобы отвести от себя подозрение. Проверили входящий звонок, он был сделан через один из мессенджеров. Провайдер сообщил, что звонили из кафе напротив муниципального музея. В обычные дни в кафе толкалась масса посетителей, воспользоваться вай-файем в нем мог любой желающий, для этого нужно было знать пароль к нему – «вафля». Пароль не менялся с момента установки роутера в 2008 году.

На следующий день, едва придя в участок, Клеп поинтересовалась у Дэгля и Мартан:

– Вы не думаете, что Трамбле могли подставить?

– Вряд ли, шеф, – ответили они практически одновременно, а потом Фона Мартан предположила:

– Хотя выходка вполне в духе Филиппа Сакрэ.

– Думаете городской советник таким образом лоббирует свои интересы? Если Трамбле обвинят в убийстве, некому будет противостоять экологам со стороны социалистов на грядущих

щих выборах в местный совет. У социалистов в активе только Трамбле, но он оттягивает на себя голоса всех, кто выступает за социальные льготы, а таких немало. Если он выйдет из игры, экологи вместе с Сакрэ точно получат большинство.

– А почему нет? – простодушно заметил Дэгль

– Вы уж совсем, Дэгль, – ответила Клеп, – как будто у нас тут военная хунта, а основной метод борьбы с политическим врагом – заказное убийство. Скажете тоже.

Фона Мартан вдруг вспомнила:

– О, кстати, чуть не забыла. Я тут кое-что узнала. Убитая, когда-то работала в агентстве по усыновлению «Надежда». Это та самая компания, которая была замешана в скандале с суррогатными матерями. Выяснилось, что «Надежда» в обход закона сводила потенциальных усыновителей с девушками, желавшими избавиться от ребенка, но за определенную, очень неплохую сумму согласившимися рожать, чтобы потом бездетные пары смогли бы этого ребенка официально, через агентство усыновить. Шуму было много. Одна пара возмутилась тем, что деньги они заплатили, а ребенка им так и не дали. Дескать он умер при родах, но доказательств этому им не предоставили и деньги возвращать отказались. Так вот скандал разразился как раз тогда, когда там работала мадам Летурно. Анри Трамбле тогда вращался в научных правительственных кругах и вполне мог бы подбирать претендентов на усыновление.

Клеп решительно покрутила головой:

– Исключено, они тогда даже не были знакомы. Тем более я прекрасно помню это дело. Система там была хорошо отлажена, через знакомых в женских консультациях находили молодых мамаш, желающих избавиться от ребенка и уговаривали этого не делать, обещая хорошо заплатить. И мамыши и клиенты были довольны, и с точки зрения закона все было шито-крыто. Потом выяснилось, что в деле со смертью ребенка деньги действительно прикарманил кто-то из руководства «Надежды», у него имелись связи в парламенте Валлонии и дело тогда замяли. Несостоявшимся родителям объяснили, что раз они шли на противозаконное дело, то нечего теперь искать правды. Женщина, говорят, потом покончила жизнь самоубийством, потому что их имя трепали повсюду, и у нее не выдержали нервы. Еще, кстати, была версия, что ребенок жив и отдан другой паре, заплатившей большую сумму, но как там было на самом деле, так и не доискались.

– Да я просто так предположила, – сказала Фона Мартан.

– А что говорит глас народа по поводу предполагаемого убийцы? Кто проводил опрос по месту жительства Летурно, что там слышно?

Дэгль снова улыбнулся и подался вперед:

– Глас народа на редкость солидарен в этом вопросе и склоняется к тому, что убил все же муж из-за того, что психанул. Жена болеет, он в депрессии, не может ее оставить и выйти на работу. Ведь он трудоголик, ради работы способен на все. Есть еще версия по поводу денег. Так как у мадам Летурно было много денег, муж решил избавиться от нее и распоряжаться капиталом единолично, не отчитываясь о расходах. Такое вот стремление к свободе, на пути которого стояла мадам Летурно.

– Я разговаривала с нотариусом, – сказала Фона Мартан, – у Летурно действительно скопилась очень приличная сумма денег, она вся переходит к мужу.

– Ну да, поэтому вполне вероятно, что люди предполагают, будто Трамбле задушил жену, потом ушел в музей, где, выждав определенное время, нашел церковную экономку, чтобы она обеспечила ему алиби. Видимо, рассчитывал, что в убийстве обвинят случайного грабителя, позарившегося на что-то в их доме.

Инспектор слушала Дэгля, задумчиво кивая, потом, словно пробудившись от мыслей, спросила:

– А как они жили, дружно? Или ссорились? Что говорят на этот счет соседи?

– Вроде дружно, – отозвался Дэгль, – по крайней мере никаких громких ссор или скандалов у них не было. Мадам Летурно была по натуре спокойной и никогда не повышала голос. Месье Трамбле вообще как плюшевый медведь, все держит в себе, иной раз слова из него не вытянешь, не то что проявления каких-то чувств. Он поэтому и заработал себе неврастению. Да и делить им особо было нечего.

– Есть еще версия, – вставила Фона Мартан, листая свои заметки на планшете, – что все дело в болезни Патрисии Летурно. Мадам ван дер Ньет, например считает, что Патрисия Летурно, готовясь перейти в мир иной, собиралась написать новое завещание не в пользу мужа. Дескать она хотела отдать все деньги на благотворительность, потому что ей нужно было загладить какую-то вину, не дававшую покоя. Мадам Талон, в свою очередь, уверена, что Летурно что-то знала о муже и собиралась перед смертью эту тайну предать огласке, из-за чего и была убита. Все тайное рано или поздно становится явным, и чаще всего это происходит, когда человек знает, что обречен. Так показала мадам Талон.

– Это правда, – сказала Клеп, внимательно выслушав Мартан, – сколько секретов всплывает на поверхность у неизлечимо больных. Вы спрашивали об этом у семейного нотариуса Летурно? Может быть он в курсе, если были какие-то намерения в изменении завещания.

– Ни о чем таком нотариусу неизвестно

– А могла ли мотивом убийства быть ревность?..

– Вряд ли, в порочащих связях никто из супругов замечен не был.

– Мне почему-то кажется, – задумчиво протянула Клеп, – что ключ к разгадке у нас уже есть. На данном этапе важно выяснить, чем же все-таки благоухало от санитаря, констатировавшего смерть Патрисии Летурно, и почему Родни ван Торн припарковался на стоянке с разрешенным временем на 30 минут, если лечебный массаж занимает около часа.

Анри Трамбле сидел в ризнице коллегиального собора святых Хильды и Катрин и изливал свое горе Габриель Брауэр, церковной экономке.

– Я уверен, что полиция меня подозревает. Они все были со мной предельно вежливы, но это всегда так. Когда человек не нравится, лучшее, что ты можешь сделать в разговоре с ним, это окатить его ледяной вежливостью. Вот они меня так и окатили.

– Мадам Ашен из булочной сказала мне сегодня утром, что уверена, что именно вы уколошили свою жену. Она так и сказала – уколошили, боже, ну как можно так выражаться, когда тебе 55 лет и у тебя внуки! – с возмущением сказала Габриель Брауэр, включая кофеварку.

– Но кто ей внушил такую мысль?!

– Никто, все в деревне пришли к этому выводу независимо друг от друга, – ответила мадам Брауэр, разводя руками.

– И что, все правда считают, что это я убил Патрисию?

– Других версий происшедшего мне по крайней мере слышать не приходилось.

– Какой ужас! Как вообще можно до такого додуматься?! Мы ведь жили душа в душу, никогда не ссорились, все местные мероприятия посещали вместе. Все же видели, как дружно мы живем! Тем более, когда Пат заболела, мы вместе решили пережить это испытание, я во всем помогал ей, облегчал как мог ее страдания. Зачем мне убивать ее, если без нее моя жизнь не имеет смысла!

– Хорошо понимаю вас и соболезную вашему горю. Другие просто не знают вас как я, им кажется, что вы недостаточно оцениваете степень утраты, постигшей вас. Одним словом, им кажется, что вам все равно.

– Я просто стараюсь не падать духом и пробую занять свой ум другими вещами. Если я буду беспрестанно думать о Пат и о том, что произошло, – он запнулся, – ну, об убийстве, мне кажется я совсем свихнусь. Мне и доктор советует отвлекаться.

– Ну а в Сен-Катрин-сюр-Мёз полагают, что вы должны посыпать голову пеплом и запервшись у себя заливать свое горе вином или чем покрепче. Или пойти в бар и там разрыдаться у всех на глазах, разодрав на себе одежды.

– Но вы, я надеюсь, так не считаете?

Габриель Брауэр отрицательно покачала головой.

Хьюг Дэгль получил задание отправится в кафе «Универс», выходящее окнами на главную площадь с коллегияльным собором и муниципальным музеем. Рядом со входом в кафе висела хромированная табличка «Родни ван Торн. Кинезотерапевт. Лечебный массаж», кабинет его находился на втором этаже. В кафе Дэгль должен был сидеть и рассматривать посетителей, а также замечать все, что может представлять определенный интерес. Хозяин кафе и по совместительству бармен рассказал сержанту местные сплетни и пожаловался на атомную станцию, расположенную недалеко от Сен-Катрин-сюр-Мёз: что будет если она взорвется?! А ведь все идет к этому, в охлаждающем бассейне уже образовались микротрещины и эта хлипкая конструкция того и гляди взлетит на воздух. Дэгль слушал его, затаив дыхание, однако, успел заметить Родни ван Торна, вошедшего в кафе.

Родни уселся за столик в углу, заказал дежурное блюдо и уткнулся в телефон. Дэгля он не заметил.

Утром следующего дня Дэгль представлял рапорт о своей вылазке в «Универс». При этом присутствовали Фона Мартан и инспектор Клеп.

– Так что сержант, – с места в карьер взяла Клеп, – что любопытного произошло вчера в кафе? Видели кого-нибудь подозрительного, или слышали что-то заслуживающее внимание?

– Владелец кафе считает, что атомная станция в Моланже скоро взорвется, шеф, – сообщил Дэгль.

– Ну, это не новость, половина провинции так считает.

– В остальном ничего любопытного не произошло. Никого знакомых нам по этому делу я не встретил, кроме Родни ван Торна. Но его визит в «Универс» сложно назвать любопытным, потому что он живет в том же доме, этажом выше и вероятно столовается прямо в кафе. При мне он заказал волован и кружку пива – ничего интересного.

– Ну что вы, сержант, это очень важная информация, вкуче с тем, что сообщил нам санитар, она можно сказать раскрывает наше дело.

Хьюг Дэгль с удивлением посмотрел на шефа. Кажется, он начал понимать...

– Мадам Летурно была в душе, – объяснила Лора Клеп, – потому что назначила массаж, а перед массажем рекомендуют принимать душ, чтобы подготовить тело. Потом она легла на массажный стол... Ван Торн растирая масло вытащил полотенце, накинул ей на шею и задушил ее. Такому здоровяку сделать это совсем нетрудно. Если жертва и сопротивлялась, то совсем немного. Ну а потом он вышел из дома и стал звонить, как будто только что пришел. Только вот разлитое ароматическое масло, в которое наступил спасатель, свидетельствует о том, что ван Торн все же был внутри.

– Значит это ван Торн звонил Трамбле, чтобы выманить его из дому?

– Конечно, из «Универса», тем более, что он бывает там каждый день. Он не стал звонить с мобильного, понимая, что по номеру его можно легко вычислить, поэтому и позвонил через мессенджер. В день убийства он, однако, совершил две ошибки. Во-первых, припарковал машину всего на 30 минут, вместо полутора часов, потому что знал, что массаж в этот день ему делать не придется. А во-вторых, сообщил об этом почтальону, а тот растрепал об этом всей деревне, и естественно информация дошла и до нас.

– Но каков мотив, шеф? Зачем ему убивать свою пациентку? Тем более, что клиентура у него не так уж и многочисленна.

– Мотив есть, только находится он не в настоящем, а в прошлом.

– Не понял, шеф...

– Ну а что тут непонятного. Тот случай в агентстве по усыновлению, когда у пары усыновителей взяли крупную сумму денег, а ребенка не отдали, мотивировав смертью при родах. На самом деле ребенок не умер, мадам Летурно вместе со своим тогдашним мужем нашли для этого ребенка другую пару, из Франции и получили таким образом деньги два раза, заключив, что бельгийская пара не будет подавать в суд, поскольку суррогатное материнство у нас незаконно. На вырученные деньги она открыла свой бизнес по доставке еды, а вот мужу так не повезло. Вероятно, у него не было ее хватки.

– Вы хотите сказать, что Родни ван Торн был первым мужем мадам Летурно? – с удивлением спросил Дэгл.

– Вот именно, – подтвердила Клеп, – только ему не везло в делах, деньги таяли быстро, он вероятно пристрастился к выпивке или к азартным играм, и мадам Летурно с ним развелась, а он покатился по наклонной и кончил деревенским массажистом с полутора клиентами. И тут судьба сводит их снова. Наверное все бы обошлось, если бы Патрисия Летурно не заболела рассеянным склерозом. Она уже тогда, вероятно, раскаивалась в содеянном, а тут еще приговор в виде неизлечимой болезни. Одним словом ван Торн скорее всего понял, что мадам Летурно вот-вот признается во всем, и тогда они оба попадут за решетку, и решил действовать. Не уверена, что он подумал о том, что во всем обвинят Трамбле, а может был даже рад, что нашелся козел отпущения. По крайней мере за мужа он не переживал и не сильно расстроился бы, если бы тот угодил за решетку.

Фона Мартан решительно заявила:

– Так, я в паспортный стол, проверю записи о регистрации брака ван Торна и Летурно. А потом, наверное, нужно найти ту французскую пару, которая тогда усыновила ребенка?

Инспектор Клеп кивнула:

– А вы, Дэгл, отправляйтесь к Родни ван Торну и заберите у него на экспертизу все полотенца, которые найдете. Уверена на одном из них обнаружится ДНК жертвы.

Два дня спустя Родни ван Торну было предъявлено обвинение в преднамеренном убийстве. Найденная на месте преступления банка с ароматическим маслом оказалась марокканской смесью из коллекции массажных масел, которые использовал во время своих сеансов ван Торн, а на светло-зеленом махровом полотенце были выявлены остатки пота Патрисии Летурно.

Ван Торну дали 20 лет.

Рисунок мастера

Жозефин Матью, супруга владельца автозаправки, стояла возле колонки с бензином, сжимая в руке пропитанную водой тряпку. Ведро с вываливающейся из него мыльной пеной стояло тут же, на цоколе. Вода из тряпки капала прямо на грубые башмаки Жозефин, но она этого не замечала, закатанные рукава фланелевой рубашки спустились и намокли.

Ей пришлось помяться, отмывая железные бока колонки, от налипшей на нее грязи с бензином: кто-то слишком рано вытащил заправочный пистолет из бака и залил жирной жидкостью кафельный цоколь вместе с асфальтом. Даже мистер Пропер был не в силах быстро отмыть эти радужные разводы.

– Вот осел! – сказала мадам Матью.

Жозефин Матью была женщиной в высшей степени приличной и не допускала подобных выражений на людях. Но сейчас на заправке никого не было, поэтому она позволила себе расслабиться. Засучив все время сползающий рукав и подхватив наполовину опустевшее ведро, она медленно засемила к зданию заправки.

Февральский воздух был холодным и сырым. Небо налилось свинцовой серостью, и только у самого горизонта были видны голубые просветы. В здании заправки горел свет, и ветер доносил запах свежего хлеба: булочник заезжал всего час назад.

– Горячий кофе – все, что мне сейчас нужно, – веско заметила Жозефин, – большая чашка горячего кофе со взбитыми сливками.

Не дойдя до входной двери, она увидела, что стойка с прессой стоит не так, как обычно, а газеты в ней перепутаны. Привычным жестом она рассортировала газеты по нужным карманам, перевернула те, которые наспех были засунуты вверх ногами. «Надо вообще занести всю прессу внутрь, – подумала Жозефин, – здесь ее все равно никто не листает».

Она ловко поправила сползшую со стеллажа сетку с дровами и теперь вся автозаправка выглядела чисто и убрано. Товары в ней не были разложены согласно правилам маркетинга и мерчендайзинга, но и сама мадам Жозефин Матью ничего не знала ни о маркетинге, ни о мерчендайзинге. Однако, наведенный порядок придал заправке опрятный и привлекательный вид. Вылив воду из ведра в уличную канализацию, Жозефин отнесла ведро в туалет, вход в который располагался с боку основного здания. В этот момент на противоположной стороне улицы остановился черный ситроен.

Машина была совершенно обычной, вымытой до блеска – хромированные диски просто сверкали. Такая чистота невольно привлекала внимание. «Ее водитель всегда вовремя вытаскивает заправочный пистолет из бака», – подумала Жозефин. Она остановилась и непонятно почему стала рассматривать ситроен. Чуть погодя из машины вышел мужчина, довольно преклонных лет. Он медленно выкарабкался с водительского сидения, закрыл дверцу и остановился словно в нерешительности. Жозефин видела, что на пассажирском сидении была женщина, «судя по возрасту, это его дочь или племянница», – заключила она. Женщина что-то говорила, обращаясь к водителю, и бурно жестикулировала.

Мужчине на вид можно было дать лет семьдесят, одет он был в твидовый костюм и жилетку. Нерешительно переминаясь с ноги на ногу, он стоял возле опущенного стекла и слушал, что говорила женщина. Она стала махать рукой, Жозефин поняла, что она отправляет его за чем-то, по-другому этот жест истолковать было нельзя. В тот момент, когда мужчина наконец повернулся и медленно отошел от машины, на него налетел неизвестно откуда взявшийся джип. Наезд сопровождался совершенно диким хлопком. От удара, тело отлетело на несколько метров вперед, внедорожник, сбивший его, на секунду замер, а потом мотор взревел, и он помчался вперед, сопровождаемый пронзительным визгом шин.

Жозефин посмотрела на распростертое тело. Человек лежал на дороге, не шевелясь, потом внезапно приподнялся на локте, как будто силился встать и посмотрел в сторону заправки. Жозефин со всех ног бросилась к нему, с другой стороны к ним спешила женщина из ситроена. Подлетев к пострадавшему Жозефин наклонилась к нему, глаза старика были открыты, губы что-то шептали. Она расслышала только что-то вроде:

– Макс...

Ей показалось, что старик произнес это с каким-то облегчением. Она ясно расслышала имя, потому что тот повторял его с каким-то остервенением:

– Макс, Макс.

Глаза старика закрылись, он откинулся на землю продолжая шептать. В этот момент к ним подбежала женщина из ситроена.

– Ральф, Ральф, майне шаце, – закричала она, бросаясь перед ним на колени.

Жозефин попыталась удержать женщину, ей казалось, что своими объятиями та причиняет Ральфу больше вреда, чем пользы:

– Вы понимаете по-французски? – спросила Жозефин, беря ее за руку.

– Что? Да, да, – крикнула та, продолжая прижимать безвольное тело к груди.

Жозефин решительно отстранила ее.

– Не нужно его тревожить, и старайтесь не двигать его. Я вызываю службу спасения.

Жозефин вытащила мобильный и набрала 112:

– Пожалуйста, пришлите скорую, тут сбили человека, – сказала она ровным голосом, а потом быстро продиктовала координаты и свой номер для экстренной связи. Оператор велел ей оставаться рядом с потерпевшим и обезопасить насколько возможно периметр.

Скорая приехала через 10 минут. Вокруг лежащего установили белую палатку из простыней, принесенных Жозефин из квартиры – они с мужем жили прямо на втором этаже в здании заправки, а движение машин направили по боковой рю дю Парк.

– Вы можете взять его пиджак и жилет? – спросил санитар, – нам нужно сделать массаж сердца.

– Конечно, – ответила Жозефин, – если хотите, то можно перенести его в здание заправки.

– Вряд ли это потребуется, надежды увы мало...

Он замялся и посмотрел на женщину из ситроена, стоящую чуть поодаль и не сводившую взгляда с распростертого тела.

– Внутреннее кровоизлияние? – спросила Жозефин. Санитар кивнул.

– Вы видели, как все произошло? – поинтересовался он.

– Ну практически, – чуть подумав, ответила Жозефин, – та машина, она появилась так внезапно, как черт из табакерки, и во всей этой суматохе я не заметила ее номера!

Пока скорая занималась реанимацией, а Жозефин ходила за песком, чтобы засыпать запекшуюся на асфальте кровь, к месту происшествия подошел Максим Эренс. Это был грузный человек, выглядевший гораздо старше своих пятидесяти двух лет, из-за манеры сутулиться и говорить тихо, свойственной тем, кто стесняется своего веса.

– Господи Боже, – воскликнул он, с удивлением рассматривая санитарную палатку и суетящихся вокруг тела спасателей.

– Его сбили прямо напротив заправки, – объяснила Жозефин, – я все видела собственными глазами. Ты не знаешь его, Максим? Мне кажется, он называл твое имя.

Максим Эренс подошел поближе и взглянул на умирающего.

– Вот бедолага, – сочувственно проговорил он, – Нет, я его не знаю. Не побожусь, конечно, но лицо его мне ни о чем не говорит.

Потом санитары погрузили тело на носилки и увезли в больницу. Женщина из машины уехала вместе с ними, ситроен остался стоять на том же месте.

Позвонив на следующее утро в приемный покой и справившись о судьбе мужчины, сбитого накануне в Антейе, Жозефин узнала, что тот скончался от ран прошлой ночью.

Сержант Фона Мартан старалась говорить громче, держа планшет с диктофоном поближе к лицу, и даже наклонялась вперед.

– Это все, что вы имеете сообщить по этому делу, мадам Матью?

– Да, – ответила Жозефин, – вот, что было в карманах его пиджака.

Она пододвинула к инспектору один за другим бумажник, смартфон и посадочный талон на самолет до Женевы. В бумажнике, она знала, лежала фотография женщины из ситроена, снятой на фоне большого коричневого джипа, совсем такого же, который вчера наехал на несчастного Ральфа.

– А как фамилия жертвы?

– Пробст, его звали Ральф Пробст. Он немец, проживал в Мюнхене. Вместе с ним в машине находилась его жена, фрау Йоханна Пробст. Они остановились, потому что мадам Пробст услышала какой-то подозрительный звук в моторе. Месье Пробст вышел проверить, серьезно это или нет, и как раз в этот момент его сбили. Они женаты всего 11 месяцев, и у них было что-то вроде свадебного путешествия.

– Они поехали в свадебное путешествие в Бельгию? – спросила Жозефин, – Вы уверены?

– А что такого? Поездка в другую страну, смена обстановки, что вас так удивляет?

Жозефин подняла глаза вверх и вздохнула:

– Ну да, в Бельгию, в феврале, конечно, это очень романтично.

Здесь сержант Мартан не нашлась с возражениями и попыталась поискать наиболее логичное объяснение:

– Они ехали в Антверпен, возможно ходили бы там по музеям, делали вылазки в Брюгге. Вы знаете, у каждого свои предпочтения в отдыхе.

– Ну конечно, на вкус и цвет, как говорится, – не стала спорить Жозефин. – А вы заметили, что у молодоженов большая разница в возрасте? Когда я впервые увидела их, мне показалось, что это отец с дочерью.

– Разница ровно в 25 лет, – сказала сержант, кивая головой. – Но это к делу отношения не имеет.

– Само собой, а что с коричневым внедорожником, вы нашли его?

Фона Мартан пожала плечами:

– Нет, и вряд ли теперь найдем. Мадам Пробст номер машины не запомнила. А водитель теперь наверняка затаится, – она погладила экран планшета, закрывая диктофон, и поднялась из-за стола. – Да, фрау Пробст сказала, что зайдет к вам за вещами мужа, передайте ей их, пожалуйста.

– Конечно, передам, – ответила Жозефин. – Я их уже приготовила. Хотелось бы мне сказать ей, что я запомнила номер коричневого джипа, сбившего ее мужа, но увы.

– Ладно, я пошла, – сказала Фона Мартан.

– Я рада, – сказала Жозефин, провожая ее к выходу, – что это все-таки несчастный случай, а не подстроенное убийство!

К ситроену, припаркованному напротив заправки, подошла высокая белокурая женщина. Заметив ее через оконные жалюзи, Фона Мартан произнесла:

– А вот и мадам Пробст, легка на помине.

Жозефин собралась с силами, она подумала, что разговаривать с женщиной, у которой только что умер муж, будет очень трудно. «В конце концов, если она будет сильно нервничать, я смогу позвонить доктору Оливье, он живет через три дома и сможет дать ей какое-нибудь успокоительное», – обнадежила она себя.

Жозефин думала, что встретит убитую горем вдову, однако, приветствуя мадам Пробст, она не переставала удивляться: женщина выглядела обыкновенно, видно было, что она провела бессонную ночь, однако ни заплаканных глаз, ни опухших щек у нее не наблюдалось. В манере держаться мадам Пробст было что-то военное. У нее была идеально прямая спина и гордая посадка головы, открытый взгляд и мягкая улыбка.

– Вы не представляете, мадам Матью, – сказала она, что я пережила вчера.

– Боже, конечно, это было ужасно, – ответила Жозефин, – присаживайтесь, будьте добры. Выпьете что-нибудь? Кофе, может быть что-нибудь покрепче?

Мадам Пробст изящно махнула рукой, отказываясь от предложенного:

– Спасибо, мне ничего не нужно. Вы и так были очень добры, я не знаю, как отблагодарить вас, за то, что вы сделали. Я так растерялась, когда Ральфа сбили, – она запнулась, а потом продолжала – это произошло так быстро, я даже не успела сориентироваться.

Жозефин с сочувствием смотрела на нее.

– Мы поехали попутешествовать, – продолжала мадам Пробст, – хотели побыть наедине, насладиться обществом друг-друга. Понимаете в городе такая суэта, Ральф занимается общественной работой, я хожу на службу. Мы иногда не видимся целую неделю.

Предваряя немой вопрос Жозефин, она пояснила:

– Я работаю в муниципальной полиции, а Ральф на пенсии.

Мадам Пробст помолчала, а потом задала вопрос, которого Жозефин ожидала:

– Говорил ли вам Ральф что-нибудь? Ну, когда вы к нему подбежали? После того, как его... – она запнулась.

Ее прекрасные синие глаза внимательно смотрели на Жозефин, она вся подалась вперед, как бы с нетерпением ожидая ответа.

– Нет, ничего – спокойно ответила Жозефин, – только шептал одно имя, но не думаю, что он обращался ко мне, скорее куда-то в пространство.

– Имя? – удивленно переспросила мадам Пробст, – а чье имя, вы не слышали?

– Кажется это было имя «Макс». У вас есть знакомые с таким именем?

Мадам Пробст смахнула пальцем несуществующую слезу и вздохнула:

– Нет, не представляю, кого он имел в виду.

На пороге, уже прощаясь, мадам Пробст вновь рассыпалась в благодарностях и извинениях, она понимает, что у мадам Матью столько дел на заправке, а она уделила ей внимание, и была так добра.

В дверях мадам Пробст обернулась и медовым голосом спросила:

– Ах да, пиджак и жилетка Ральфа, они, наверное, все еще у вас?

Жозефин задумалась:

– Пиджак и жилетка?

Мадам Пробст пояснила:

– Я бы хотела забрать все вещи Ральфа. Кремация будет через три дня, и я думала похоронить его в них. Это был его любимый твидовый костюм.

– Все правильно, месье был в пиджаке и в жилетке. В кармане пиджака был бумажник с вашей фотографией, смартфон и билет на самолет, – сказала Жозефин, – Я все передала полиции.

– О, отлично, – сказала мадам Пробст, – я тогда заберу их в участке. Все документы, значит, были в бумажнике?

– В бумажнике были банковские карточки, права и 20 евро, – сказала Жозефин, – больше ничего.

– И все? Никаких квитанций, счетов, записок?

Жозефин покачала головой.

– Ну ладно, еще раз вам огромное-преогромное спасибо, мадам Матье. Пиджак с жилеткой, значит, тоже в полиции?

Жозефин подняла глаза вверх, словно пытаясь вспомнить что-то.

– Ммммм, да, то есть нет, – сказала она, – секунду. Значит санитар велел мне взять пиджак и жилетку, потому что он будет делать непрямой массаж сердца, – она кивнула несколько раз головой и потрясла указательным пальцем, – так, так, значит я убрала его в прачечную комнату, вместе с полотенцами и простынями.

– Если вы не возражаете, мадам Матье... Я бы хотела забрать вещи Ральфа, ведь это последнее, что он носил. Для Ральфа, для всех нас очень важно, чтобы они были на нем, когда он отправится в последний путь.

– Естественно, – сказала Жозефин, – Я вас прекрасно понимаю. Если хотите, я отдам их сначала в химчистку. Просто сами понимаете, они в пятнах..., в грязи.

– О не затрудняйтесь, это ведь все неважно!

Жозефин раздумывала:

– Так, по-моему, я их отнесла в прачечную... Нет, я их точно туда отнесла. Секунду, я посмотрю.

Она вышла из комнаты и прошла по коридору. Мадам Пробст ждала Жозефин довольно долго и уже стала нетерпеливо поглядывать в черноту коридора, когда та вернулась с сияющим видом:

– Ради Бога извините, я оказывается положила их не в прачечную комнату, а на антресоли в пластиковый мешок. Думала, что они являются уликой для полиции и их нужно сберечь в первоначальном виде. Вот, пожалуйста, давайте я положу их в пакет, чтобы удобнее было нести.

И не обращая внимания на возражения, она засунула пиджак и пальто в большой красный пакет. Порывисто обняв Жозефин на прощанье и благодаря ее на французском и немецком одновременно, мадам Пробст наконец удалилась.

Сержант Дэгль из льежской уголовной полиции приходился Жозефин Матью племянником. Он работал в отделе уже 2 года и был на хорошем счету у начальства, которое ценило его за умение быстро все схватывать. Ему даже выделили отдельный кабинет, правда пока без окон.

Жозефин встретила с племянником в Льеже в его обеденный перерыв, они зашли в кафе на площади XX августа и заказали кофе и крок-месье. Когда Жозефин переходила улицу перед зданием университета ей на секунду показалось, что в толпе мелькнула мадам Пробст. Впечатление было мимолетным, и она решила, что ей померещилось.

– Да, шеф со мной всегда советуется, – рассказывал Дэгль, – И вообще у нас довольно демократичная команда, но без панибратства. Зато и раскрываемость у нашей бригады одна из самых высоких в отделе. Ну ладно, тетя, скажи, наконец, что тебя так взволновало.

Хьюг был любимчиком Жозефин. Она прекрасно помнила, что из всей ватаги племянников и племянниц один Хьюг всегда помогал ей на заправке: помыть колонку, расставить цветы в вазонах – он всегда стремился угодить тетке, а она за это выделяла его из всех остальных.

Жозефин подробно рассказала обо всем, что произошло вчера. Когда она закончила, Хьюг Дэгль сощурил глаза и кивнул:

– Ну да, все самоочевидно.

– Ты понимаешь, почему я решила поговорить с тобой? – сказала Жозефин, – дело в том, что иногда я не могу внятно объясниться...

– Ну что ты, Жозе...

– Это правда. Иной раз на меня прямо ступор находит.

– Ступор в критический момент находит на всех, – рассудительно сказал сержант Дэгль.

– Конечно, только у меня все моменты критические, но зато я разбираюсь в людях.

– Это правда Жозе, ты всех видишь насквозь, а еще у тебя ведьминская интуиция.

– Слушай, я и правда не знала как поступить. Сказать о своих подозрениях той полицейской? Но она бы спросила про доказательства.

Дэглль прекрасно понял о чем говорила Жозефин.

– Обязательно бы спросила. Когда что-то происходит, несчастный случай или преступление, у всех свидетелей и прохожих обязательно будет собственная версия, и они обязательно захотят поделиться ей. И такая история на каждом, абсолютно на каждом выезде. Представляешь, сколько разной чепухи нам приходится выслушивать!, – воскликнул он.

– Я все время чувствовала, что в этой истории что-то не так, – сказала Жозефин. – Жена, которая моложе мужа на 25 лет, свадебное путешествие в Бельгию в феврале месяце. Господи, судя по машине и одежде, у этих людей есть деньги, они могли бы поехать на Мальдивы или в Кению, зачем тащиться в Антверпен, там и смотреть-то не на что. Наверняка это была деловая встреча, только эта Пробст все твердила про медовый месяц.

Она посмотрела на Дэгля, ища поддержки своим словам. Тот кивнул, и Жозефин продолжала:

– Она совершенно не сожалела о нем и ни словечка не сказала о нем, о живом. И еще мне не дает покоя та фотография в бумажнике Ральфа. На ней была эта Йоханна, а позади нее в точности такой же коричневый внедорожник, который сбил ее мужа.

Дэглль открыл рот, чтобы что-то сказать, но Жозефин говорила так быстро, что он не решился ее прервать, и она продолжала:

– И потом, когда я подбежала к Ральфу, он все время повторял: «Макс, Макс», а когда я спросила, знает ли она кого-нибудь по имени Макс, она ответила, что у нее нет таких знакомых.

– Ты хочешь сказать, что это странно, что у нее нет знакомых по имени Макс?

– Вот именно! Любой знает хоть одного Макса. Поэтому я считаю, – заключила Жозефин, – что Макс – это имя сбившего его.

– Намекаешь на убийство? – спросил Дэглль.

– Не то что намекаю, говорю прямым текстом, – подтвердила Жозефин. – Поэтому я и пришла к тебе.

– Мда, дело выглядит запутанным, – задумчиво проговорил Дэглль, – даже не знаю, как к нему подступиться. Нет ведь ни одной зацепки.

– Зацепка как раз есть, – ликующе заявила Жозефин, – я ведь еще не рассказала самого главного. Эта Пробст прямо-таки прицепилась к пиджаку и жилетке, в которых был Ральф, когда его сбили. Сказала, что хочет кремировать его в них. Санитар попросил меня позаботиться о вещах, пока он делал массаж сердца. Пиджак – очень добротный, из твида, наверняка от какого-нибудь модного дизайнера. Она что-то говорила, что это любимые вещи мужа, и они ей дороги как память, в общем несла какую-то ерунду. Я пошла за ними, и тут вдруг вспомнила, что умирающий Ральф схватился за полу пиджака, как бы проверяя, на месте ли что-то в нем. Я осмотрела пиджак и нашла, что в одном месте подкладка как-то неровно пришита. Я ее подпоролла и обнаружила в ней клочок бумаги, а подкладку быстренько зашила, ты знаешь, шью я хорошо, так что никто и не заметит, но теперь вот сомневаюсь, а вдруг она поймет, что из пиджака что-то изъяли. Задержку я ей объяснила тем, что оказывается положила вещи на антресоли, а не в прачечную.

– А клочок бумаги? – спросил Дэглль. Жозефин сунула руку в карман джинсов и вытащила помятый листок.

– Шестизначный номер и комбинация GS168, – пробурчал Дэглль, – а что ты говорила было у него в карманах?

– Билет до Женевы.

– Возможно, что GS – это банк Женева Свисс, а номер – код банковской ячейки.

Жозефин посмотрела на племянника, широко раскрыв глаза.

– Так, приступим к делу, – сказал Дэгль, – у меня есть знакомый в женевской полиции, старина Маззанти, я сегодня же с ним свяжусь, а ты, тетя, не желаешь ли предпринять небольшое путешествие, говорят Женевское озеро особенно красиво зимой?

Прибыв в Женеву, Жозефин, нигде не останавливаясь, поехала в офис Женева Свисс банк на авеню Бланк. Там она прошла к менеджеру, сидевшему за стеклянной стеной, а он проводил ее в хранилище, из которого она вернулась, неся подмышкой пухлую кожаную папку.

Потом Жозефин побродила по Женеве, посетила городскую ратушу и полюбовалась фонтаном на Женевском озере. Обратный билет был куплен на вечер того же дня. Когда самолет приземлился в Завентеме, Жозефин поднялась со своего места у иллюминатора и взяла папку. Едва она вышла на платформу, к которой подавали аэроэкспресс, как какой-то мужчина неосторожно толкнул ее, подхватил выпавшую из рук папку, извинился и спокойно направился в противоположную сторону.

– Эй вы, стойте! – крикнула Жозефин, а потом заорала еще громче – Эй, держите его, он украл мою папку!

Стоявшие на платформе растерянно переглядывались, один пожилой мужчина хотел было броситься вслед, но передумал и махнул рукой. Похититель папки пулей взлетел по эскалатору, выбежал из терминала, подскочил к припаркованной на 15-минутной стоянке машине и уже собирался забраться в нее, как кто-то решительно преградил ему путь. Зычный голос сержанта Дэгля произнес:

– Так, что тут такое?

Запыхавшись, к ним подбежала Жозефин.

– Этот человек украл мою папку, – сказала она.

– Что вы несете! – с негодованием воскликнул мужчина. – Кто вы вообще такая?! Это моя папка, ни у кого я ее не крал.

– Сейчас разберемся, – решительно сказал представитель закона.

Он сурово посмотрел на Жозефин. Кто-либо, видевший сцену со стороны ни на секунду бы не заподозрил, что эти люди знакомы между собой.

– Вы настаиваете, мадам, что папка ваша? – спросил он.

– Настаиваю, – ответила Жозефин и в подтверждение своих слов тряхнула головой.

– А вы месье?

– Это моя папка, конечно. А эта женщина – просто сумасшедшая.

Мужчина был широкоплеч и довольно красив. Говорил он уверенным голосом и смотрел презрительно.

– Так, будем разбираться, – сказал сержант, – Если это ваша папка, мадам, то что в ней находится?

– Альбом, – ответила Жозефин. – Это комиксы «Нежная Виолетта», потом журнал Vog за январь 2019 и распечатка Гугл-карт центра Женевы.

– Очень подробно, благодарю вас, – сказал сержант Дэгль и повернулся к здоровяку.

– Я реставратор, – с важным видом заявил тот, – реставрирую старинные рисунки, акварели, пастели. В папке антикварная книга с иллюстрациями, принадлежащая одному моему клиенту. Он просил меня поработать с ними.

– Все ясно, мы сейчас пройдем внутрь терминала и там откроем папку, если вас это устраивает?

Красавчик кивнул.

– Кстати, ваше имя, месье?

– Герцог, Макс Герцог.

– Пройдемте, месье Герцог, – сказал Дэгль, указывая на вход, – и вы, мадам, прошу вас.

Положив папку на стойку Стар Альянса, работники которой отсутствовали, представитель закона открыл молнию и развернул папку. Макс Герцог и Жозефин в это время сверлили друг друга взглядом.

– Ага! – сказал сержант, рассматривая содержимое папки.

Внутри находился альбом комиксов «Нежная Виолетта», на книге была обложка из тонкой пергаментной бумаги. Еще там лежал январский номер Вог и карта центра Женевы, распечатанная в цвете, с обведенной в кружок городской ратушей.

Извинения щедрым потоком хлынули из уст месье Герцога.

– Тысячу извинений, – елеиным голосом проговорил он, – ради Бога, мадам, я очень сожалею. Мне нет прощения. Какой конфуз! Видимо, моя папка провалилась между сиденьями, – Он вытащил смартфон и посмотрела на время. – Вот черт, я совершенно забыл, у меня же как раз на это время назначена встреча. Нужно спешить, тем более, что надо найти свою папку. Нет, она точно провалилась под сиденье или я забыл ее дома. – Он посмотрел на Жозефин глазами побитой собаки. – Еще раз простите! – и поспешил к выходу из здания аэропорта.

– И это все? – спросила Жозефин, указывая взглядом в сторону, куда скрылся Герцог.

Дэгл широко улыбнулся и обнял ее за плечо:

– Конечно нет, оперативная бригада проследит за ним, нам важно узнать, где он прячет внедорожник.

– Вот это да! – облегченно воскликнула Жозефин.

На следующий день в обеденный перерыв Дэгля племянник и тетя снова сидели в кафе на площади XX августа. На этот раз они заказали сэндвичи: с тунцом для сержанта, с серыми креветками для Жозефин.

– Ну рассказывай все по порядку, – с нетерпением попросила Жозефин.

– Да-да, так вот. После нашего с тобой разговора я установил наблюдение за мадам Пробст, а еще выяснил ее прошлое. После того, как она вышла замуж за Ральфа Пробста 11 месяцев назад, она сразу же оформила на него две страховки с колоссальнейшей страховой премией. Коллеги из Германии сообщили нам, что у нее также имелся любовник, некий Макс Герцог, бывший муж ее родной сестры, от которого Йоханна успела родить сына.

– Я сразу поняла, что он любовник мадам Пробст, – сказала Жозефин. – Как только он назвал себя.

Дэгл согласно кивнул.

– Именно он сбил Ральфа? Это ведь на фоне его коричневого джипа сфотографировалась мадам Пробст?

– Конечно. Мы нашли машину, вернее он сам привел нас к ней. Она была припаркована на одной из узких улочек в Унди, случайно на нее ни за что не наткнешься.

– Так значит основной мотив – деньги? Они намеревались получить их по страховке?

– В том числе. Но главное сокровище, на продажу которого они рассчитывали, находилось в той самой папке из швейцарского банка. История эта длинная. До брака с Йоханной Ральф Пробст был счастливо женат на дочери известного в узких кругах художника, знаменитого тем, что он подделывал картины и рисунки известных мастеров. У него были и оригиналы, как, например, «Портрет юной невесты» Леонардо да Винчи.

– Да Винчи? – глаза Жозефин округлились. – Интересно, сколько может стоить рисунок Леонардо да Винчи?

– Ральф Пробст тоже этим интересовался, он связался с амстердамским Рейксмюзеемом и отвез им его на экспертизу. Его оценили в 140 миллионов евро.

– Такая прорва денег. Он собирался его продавать?

– Да, первая жена Ральфа умерла 10 лет назад и завещала всю коллекцию, оставшуюся от отца, супругу. Возможно, она даже не подозревала, что в ней содержится настоящий Леонардо, думала, это один из шедевров отца. А потом их общий сын сильно заболел. Рак костного мозга, довольно агрессивная форма, специалист нашелся только в США, на операцию по пересадке потребовалась куча денег, и Пробст решил продать рисунок, предварительно удостоверившись в его ценности. Ральф с Йоханной ехали совсем не в Антверпен, а в Амстердам на подписание контракта.

– Но почему Йоханна решила убить мужа именно сейчас?

– Вероятно жажда денег просто ослепила ее. 140 миллионов – огромная сумма, хватило бы и на лечение сына Пробста, и на безбедную жизнь им вдвоем.

– Но она захотела все только для себя, – закончила за него Жозефин.

Дэгл кивнул.

– Для себя и своего любовника. Они задумали подстроить все дело так, чтобы выглядело как несчастный случай, однако, не учли одного важного факта.

– Меня, в качестве свидетеля! – победоносно заключила Жозефин.

– Да, Жозе, ты оказалась для них настоящей палкой в колесе.

– Рисунок Леонардо был в той папке в швейцарском банке?

– Да, несмотря на то, что банки в Швейцарии славятся тем, что заботятся об интересах своих клиентов и неохотно идут на сотрудничество с полицией, в данном случае у них не было выхода.

– Специалист по переговорам, этот твой Маззанти?

– Какие там переговоры, он просто пришел в банк, назвал номер ячейки, они проводили его в хранилище, даже не спросив имени. Ему осталось только ввести код и забрать папку. Ячейка была арендована на предъявителя. Банк не желает знать имени своих клиентов, так он не сможет разгласить о них информацию, ведь этой информации просто не существует.

– Как здорово, – сказала Жозефин. – Но кому же теперь принадлежит это сокровище, раз Ральф умер, а Йоханна арестована?

– Маззанти решил передать его наследнику, Курту Пробсту, он сейчас на лечении в университетском госпитале Мюнхена, поэтому оформлением необходимых бумаг будет заниматься его супруга.

– Как хорошо, когда все хорошо кончается, – блаженно произнесла Жозефин и заказала себе и племяннику по шоколадному маффину.

Наследство дяди Вима

– Вам обязательно нужно поговорить с шефом, – заявил сержант полиции Хьюг Дэгль голосом, не терпящим возражений.

– Она сможет вам помочь, – продолжал он, наставив на молодых людей палец. Это вызвало вздох облегчения – дружеское участие им сейчас просто необходимо!

– Я изложил ей дело в двух словах, но лучше если вы сами обо всем расскажете.

Молодая пара – хорошенькая брюнетка Манон Кин и застенчивый светловолосый великан Жан-Луи Бозоне с благоговением взирали на Хьюго Дэгля. Шефом, о котором с таким энтузиазмом говорил сержант, оказалась крепкая блондинка пятидесяти лет с пронизательными карими глазами.

Справившись с охватившей его застенчивостью, Жан-Луи запинаящимся голосом произнес:

– Спасибо, что согласились принять нас.

– Пожалуйста, – ответила инспектор Клеп, лучезарно улыбаясь. – Ваше дело показалось мне любопытным. Сержант Дэгль сказал, что вы в полном отчаянии, и я подумала, что, возможно, смогу вам помочь.

– Шеф, я уверен, что вы решите это дело в два счета! – вставил Хьюг Дэгль. – Для вас это раз плюнуть, шеф!

Инспектор Клеп бросила быстрый взгляд на сержанта, а потом повернулась к Бозоне.

– Прошу вас, изложите все факты по порядку.

– Ох, мы потеряли покой и сон, – вмешалась Манон, – как хорошо, что Хьюг порекомендовал вас нам...

Она умолкла, Жан-Луи постарался сгладить оплошность:

– Нас – вам. Судя по всему, без профессионалов нам не разобраться.

Инспектор Клеп чуть улыбнулась, но проговорила сдержанно:

– Все приходит с опытом. Когда тридцать лет служишь в полиции, хочешь – не хочешь начинаешь разбираться в людях и их мотивах. Не скрою, я была заинтригована вашим делом. Поэтому прошу, изложите его суть.

– В действительности все очень просто. Мы не можем найти сокровище.

– Как в игре охота за сокровищем?

– Вот-вот, как в игре. Только игра эта изрядно затянулась, да и с подсказками в ней негусто. Нет ни карты с пометками, ни криптексов, сложив которые, можно узнать номер счета в банке, ни посланий из прошлого. Мы даже не знаем, что именно мы ищем.

– Но вы думали над этим?

– Мы только об этом и думаем. Вся наша жизнь теперь это бесконечные разговоры, начинающиеся со слова «а если...». А если это листок с написанным от руки номером счета в швейцарском банке? А если это бриллианты в мешочке? А если это флешка с ключом доступа? Можно уже писать роман в духе Дэна Брауна, идей у нас точно хватит.

– Наверное, надо рассказать и о дяде Виме? – предположила Манон.

– Естественно, – сказала Клеп.

– Я как раз собирался перейти к этому. В общем, началось все с дяди Вильгельма, Вима – для домашних. Месяц назад он умер от инфаркта. Нельзя сказать, что он был очень старым, всего-то 74 года, но за здоровьем дядя Вим не следил, ел и пил в свое удовольствие. Повышенный холестерин и угроза диабета – так говорили врачи. Я не прямой наследник, у дяди есть дочь, кузина Джессика. Все имущество перешло ей и ее матери, моей тетке Лилиан.

– Только она ему не родная дочь, – вставила Манон.

Клеп удивленно посмотрела на девушку. Жан-Луи поторопился объяснить.

– Три года назад дядя Вим сильно заболел. У него обнаружилась какая-то онкология. Доктора настаивали на операции. Пришлось сделать массу анализов, томографий и сканеров. Тогда-то и выяснилось, что у дяди Вима порок развития внутренних органов, при котором, как объяснили врачи, просто невозможно иметь детей. Дядя был вне себя. Помнишь дорогая? Он вернулся из клиники и устроил такой скандал, что тетка Лилиан даже сбежала из дома, страшась его праведного гнева.

– Ничего бы он ей не сделал, – заметила Манон. – Дядя Вим был совершенно безобидным. Просто громко кричал, но рук не распускал.

– Манон, – со вздохом проговорил Жан-Луи, – это совершенно не относится к делу.

– Ну и ладно!

Жан-Луи снова повернулся к инспектору.

– Дядя очень разозлился и надумал лишить Джессику прав на все имущество. Раз она не его дочь. Проблема в том, что бельгийские законы запрещают оставлять собственных детей без наследства.

– Это так, – подтвердила Клеп, – даже если ребенок не кровный. Сначала нужно оспорить отцовство. В случае с вашим дядей, кстати, это было бы легко сделать. Ведь жена обманула его.

– Ему, я думаю, не захотелось связываться. Наверняка, отказаться от родительских обязанностей не так-то просто, потребовалась бы гора бумажек и много беготни, а дядя не любил суету.

– Дядя Вим решил отыграться на свой манер, – сказала Манон с иронией. – Он был очень находчивым стариканом.

– После его смерти, – продолжал Жан-Луи, – особняк, в котором он жил с теткой, перешел к Джессике. Зато дядя успел снять все деньги с банковских счетов и куда-то вложить их. Судьба его капиталов и по сей день остается невыясненной.

– Оставил за собой последнее слово, – пробормотала Клеп.

– В завещании было сказано: «мой родной племянник Жан-Луи Бозоне может взять из дома или с прилегающей к нему территории одну любую вещь по своему усмотрению».

– Кажется, я начинаю понимать, – промолвила инспектор.

– Мы с Манон решили, – продолжал Жан-Луи, кивнув, – что эта вещь и есть дядин капитал.

– Скорее всего это анонимный счет в швейцарском банке, номер которого записан на бумажке и вложен в конверт, – подхватила Манон. – Но может и золото в слитках. Нельзя исключать ни один вариант!

– А он ничего не говорил перед смертью? Не оставлял записок, каких-то бумаг?

– Нет, совершенно ничего, что можно было принять за зацепку. Последние дни он провёл в клинике, лежал уставившись в одну точку. Я заходил к нему иногда. Однажды уже перед самым концом, он вдруг оторвался от созерцания потолка, посмотрел на меня, погрозил узловатым пальцем и скрипучим голосом сказал: «Не прячься за китайской стеной!» И все... Через два дня он умер, бедняга...

– Китайская стена, – задумчиво протянула Клеп.

– Вам тоже это показалось любопытным?! – воскликнул Жан-Луи. – Тем более я понял, что дядя Вим имел в виду!

– По-моему это ерунда, – вставила Манон.

– А вот и нет. На территории дядиногo особняка есть руины древней стены. Какая-то средневековая постройка. В семидесятые годы ее восстановили, а прямо перед ней посадили яблони. В детстве мы с Джессикой уходили играть туда, потому что стена далеко от дома и можно было скрыться от родительского присмотра. Мы называли ее Китайской стеной!

– Интересно.

– Думаете, он зарыл что-то рядом с этой стеной?

Клеп улыбнулась.

– А может ваш дядя перед смертью просто сошел с ума?

– Это приходило мне в голову. И в последнее время я все чаще к этому склоняюсь. Полагаете, стоит прекратить поиски? Я копал кое-где у стены, но пока безрезультатно.

– Видите ли, я не могу делать какие-либо выводы, пока не побываю на месте, – Клеп едва не сказала «преступления». – Потом мне все еще совершенно не ясно, что за человек был ваш дядя Вим.

– Скажите, когда вам удобно, и мы быстро организуем визит, – заверила Манон.

Инспектор Клеп сверилась с расписанием. В эту субботу у нее как раз было свободное время.

– Все равно что искать иголку в стоге сена, – со вздохом промолвила Манон, разводя руками.

Все трое вышли на веранду особняка дяди Вима. Дом и прилегающая к нему территория были исследованы вдоль и поперек, Жан-Луи отодвинул все горшки с цветами, громоздившиеся на террасе, на чердаке открыл все сундуки и отклонил всё прислоненное к стенам, в подвале они заглянули под каждый ящик с вином, а в кабинете проверили все папки и коробки. Особенно удручающе на инспектора подействовал флигель, до отказа набитый хламом, среди которого попадались прекрасные вещи с блошиных рынков и брокантов. Внимание Клеп привлекли изящный круглый столик на одной ножке с мраморной столешницей и роскошный марокканский ковер. Они валялись в одной куче со старыми креслами без спинок и продавленными матрасами.

Все пространство перед Китайской стеной – сооружением из бурого щербатого кирпича, прятавшегося в дальнем углу сада, – было изрыто. Жан-Луи был уверен, что сокровище захоронено возле стены. Молодой человек вновь и вновь вгрызался лопатой в землю, надеясь, что она вот-вот упрется во что-то твердое.

– А если копать перпендикулярно стене? – склонив голову набок, протянула Манон, разглядывая аккуратные параллельные рвы.

– Не думаю, что в этом есть смысл. Кстати, мне это напомнило один случай, – задумчиво проговорила инспектор Клеп. – Дело было в Монсе. Там реставрировали средневековый особняк. Здание признали объектом культурного наследия, оно простояло несколько веков и выдержало массу перепланировок. Поговаривают, что именно в нем жил герцог Пармский с 1580 по 1584 годы. Рабочие рыли фундамент для стены в большой комнате на первом этаже и неожиданно наткнулись на клад с золотыми монетами. По закону сокровище делится пополам – половина нашедшему, половина – владельцу территории. Рабочих было двое, они что-то не поделили, пока обсуждали находку, и один из них – молодой парень, португалец, кажется, вспылит и убил напарника. Клад весь достался хозяйке особняка, очень богатой даме. Она хотела сдавать дом, поэтому и реставрировала. Сокровище оценили, по-моему, в триста тысяч, точно не помню. А португалец этот потом покончил с собой – совесть... Ладно, это я так, к слову, – прервала монолог Клеп, заметив как у Манон округлились глаза. – Не обращайтесь внимания, у меня профессиональная деформация. Мне всё всегда напоминает какое-нибудь преступление. Даже дома не могу отвлечься, режу хлеб и думаю про нож. В общем, я хотела сказать, что если рассуждать логически...

– Если рассуждать логически, мадам Клеп, – перехватил разговор Жан-Луи, – боюсь, нас это никуда не выведет. Самым разумным в данном случае было положить деньги на мой счет, раз уж дядя хотел непременно меня облагодетельствовать.

– Да, понимаю о чем вы. Вам должно быть сейчас несладко. Если вы не против, я бы хотела еще раз осмотреть флигель. Конечно, я не буду там ничего трогать. Не хотелось бы, не дай Бог что-нибудь сломать или испортить.

– Конечно, смотрите! Боюсь только, что вы зря потратите время.

Инспектор Клеп сразу же принялась перебирать вещи. Прошло довольно много времени, и в помещении воцарился легкий порядок – посуда оказалась составленной вместе, пустые коробки вложенными одна в другую, а из книг сформировались аккуратные невысокие стопки. Инспектор Клеп как полководец на марше обводила комнату цепким, пристальным взглядом. Она совершенно не замечала молодых людей, смиренно ожидавших исхода поисково-организационной работы.

– Есть какие-то идеи? – осторожно спросил Жан-Луи.

Инспектор Клеп очнулась и медленно перевела взгляд.

– Все это очень интересно, – задумчиво произнесла она.

– Вы что-то обнаружили?

– Нет, здесь ничего ценного нет. Зато теперь я лучше понимаю вашего дядю Вима. Импульсивный покупатель – вот как это называется. Очень напоминает случай с месье Шаттаном. Тот тоже обожал «Магазин на диване». Покупал с дальним прицелом, видимо, готовился к трудным временам. Не гнушался ничем – ни одеждой, ни супер-тёрками, ни велотренажерами. Впрочем, к старости такая любовь к собирательству проявляется у многих.

Они вернулись на террасу. Манон с ногами забралась в широкое ротанговое кресло и пыхла электронной сигаретой.

– Совершенно то же самое происходило и с дядей Вимом! – энергично подтвердил Жан-Луи. – Где-то за год до смерти у него даже завелась любовница, ради которой он решил похудеть и заказал в телемагазине суповую диету на целый месяц. Кажется, тетя Лилиан выбросила потом все банки с суповым порошком – дядя выдержал режим ровно шесть часов.

– Лишний вес дяди Вима между прочим не помешал его подружке принять в дар комплект сережек и кольцо с бриллиантами, – вставила Манон.

– Лишний вес в таких делах почти никогда не бывает помехой, – подтвердила Клеп. – Мне вспоминается случай с таким же вот героем-любовником восьмидесяти четырех лет. Он, правда, был не женат, жил с зятем и внучкой с мужем, родная дочь его умерла от рака к тому времени лет десять как. Старик страшно тиранил своих домочадцев, внучку заставлял работать у себя прислугой, да и зятя не хотел отпускать ни на шаг. В конце концов все трое решили убить его. Внучка подмешала лошадиную дозу наркотиков ему в любимый десерт, он умер ночью в страшных мучениях. Вызванный наутро доктор констатировал смерть от естественных причин. О преступлении узнали совершенно случайно от подруги старика – внучка заявила к ней буквально на следующий день после смерти деда и потребовала назад все подарки – машину и драгоценности.

– Слава Богу дядя Вим никого не тиранил, – сказал Жан-Луи. У него есть внучка, дочь Джессики, ей пятнадцать лет. Она живет с родителями, и ее не то что прислугой не заставишь, ей слова поперек не скажи. Сразу будет хлопанье дверей и насупленные взгляды.

– Ну конечно, подростки самые настоящие тираны! Знаете, – помолчав добавила инспектор Клеп, – я думаю, что в вашем случае все на самом деле проще простого, и окопы вы рыли напрасно. Сокровище ваше – это какая-нибудь антикварная вещь, типа кресла эпохи Луи-Филиппа или картины Эгона Шиле, стоящей где-нибудь в темном углу

– На чердаке как раз много старых картин. Надо их проверить! – воодушевился Жан-Луи.

– Можешь не суетиться, – откликнулась Манон, – я просмотрела все холсты. Между прочим я целый год училась в художественной школе и кое-что понимаю в живописи. Так вот все шедевры с чердака никакой ценности не представляет.

Жан-Луи вздохнул, слова инспектора Клеп возвращали молодых людей к исходной точке – нужно было найти антикварную вещь в доме, забытым ими под завязку.

– Приходится признать, – со вздохом проговорил он, – что загадку дяди Вима при таком допущении мы вряд ли когда-нибудь разгадаем. Мне жаль, мадам Клеп, что мы заманили вас сюда и отняли время.

Клеп посмотрела на него с улыбкой.

– Прекращаете поиски?

– А какой смысл продолжать?

– Подождите, сам процесс поисков мы не проводили, это верно. Но к нему и невозможно подойти, не проделав предварительную работу. Вот ее-то мы как раз уже и сделали – установили личность и характер, – инспектор Клеп чуть было не сказала «потерпевшего», – вашего дяди. Это уже половина дела. Остается найти ту вещь, в которую он вложил свой капитал. Вот и все.

– Ну да, всего лишь, – насмешливо проговорила Манон.

– Вот именно, дорогуша. На самом деле выбор куда вложить большую сумму не столь богат, как вам представляется. Скорее всего этот предмет разительно отличается от всего остального из-за его большой ценности. И в то же время он не бросается в глаза, чтобы не обращать на себя ненужного внимания.

– Проблема в том, что мы не эксперты в антиквариате, – сдержанно заметил Жан-Луи.

– Не эксперты, но заметить что-то нетривиальное, уверена, вы сможете.

– Да мы уже весь хлам, кажется, раз двадцать перетрясли, – свирепо проговорила Манон. – Даже антиквара знакомого приглашали.

– Очень правильное решение, дорогуша. И что этот ваш антиквар сказал по поводу вон той вазочки, что стоит справа от вас на оконном карнизе?

Жан-Луи подошел к окну и пальцем указал на пузатую фарфоровую вазу с синим орнаментом.

– Это пепельница! Всех курящих дядя отправлял дымить на улицу. Он и сам курил до последнего. Она стоит тут целую вечность, а окурки из нее вытряхивают раз в год.

Клеп заглянула внутрь, на дне действительно лежала горка заплесневевших окурков.

– Эта вазочка представляется мне очень старинной.

– Очень даже неудивительно, – согласился Жан-Луи. – Эта вазочка из Делфтского сервиза, а сервиз, если я не ошибаюсь, уже давно находится в нашей семье.

– Вряд ли старая посуда такое уж сокровище, – кисло заметила Манон.

Инспектор Клеп разглядывала вазочку, вертя ее в руках. Она постучала по пузатому боку, подняла вверх и посмотрела сквозь нее на свет.

– Возможно это объясняет последние слова вашего дяди, – задумчиво проговорила она.

– А ведь правда! – воскликнул Жан-Луи. Китайская стена, китайский фарфор. Наверняка в этом намек на сервиз! Иначе зачем приплетать Китай?!

– Очень хороший вопрос, – веско сказала инспектор Клеп.

– Так, Манон, надо срочно упаковать сервиз и отнести его к антиквару. Пусть он установит его ценность.

– А сервиз считается за один предмет? – с подозрением спросила она.

– Что? – Жан-Луи непонимающе уставился на жену.

– Ну в нем же несколько чашек, кофейник, сахарница, наверняка блюдца. Вот это все как считать? Как одно целое или как несколько? В завещании же говорится про «одну любую вещь», вот я спрашиваю, как в этом случае рассматривать сервиз?

Молодые люди одновременно посмотрели на Клеп, словно ища у нее ответа.

Инспектор пожала плечами.

– Да в сущности какая разница, – сказала она. – Дело ведь совсем не в сервизе.

– Не в сервизе?

– Нет, дело в вазочке.

– Не понимаю...

– Вы позволите заглянуть в кухню?

Жан-Луи поднялся и жестом пригласил инспектора Клеп проследовать в дом. Вазочку она прихватила с собой.

Все трое вошли в кухню. В стенном шкафу был расставлен превосходный старинный сервиз из делфтского фарфора. По бело-голубым бокам кофейника пастух гнал стадо овец к видневшемуся вдалеке готическому собору с остроконечными шпилями. Пасторальный сюжет повторялся на чашках и блюдах. Инспектор Клеп отодвинула самую близко стоящую к краю чашку и водворила вазу рядом с сахарницей. Манон и Жан-Луи, открыв рот, уставились на полку.

– Рисунок на вазочке отличается от сервиза! – с удивлением воскликнула Манон. – На ней какой-то жуткий зверь с лошадиным хвостом, а на сервизе – деревенский пейзаж.

Жан-Луи пристально разглядывал вазочку.

– Поразительно! – ошеломленно заключил он. – Эта пепельница, то есть я хотел сказать, этот вазон, он не из сервиза. Несмотря на то, что и посудина, и сервиз расписаны в одних тонах.

Инспектор Клеп кивнула.

– Получается, когда вы говорили, что дело в вазочке, вы имели в виду... – он вопросительно уставился на нее. – Да... что вы имели в виду?

– А то, что эта ваза и есть вложение капитала вашего дяди Вима. Помните, перед смертью он говорил вам про Китайскую стену. Китайская стена – китайский фарфор – вы правильно уловили суть.

– Но я был убежден, что ваза из Делфта. А вы уверены, что она китайская?

– В этом нет никаких сомнений, – решительно заявила Клеп. Я перевидала очень много похожих на нее на антикварных брокантах. Такого китайского фарфора очень много и в Бельгии, и в Голландии, да и повсюду в Европе.

– А чем объясняется такая его распространенность?

– Все началось в восемнадцатом веке, когда торговля Ост-Индских компаний с азиатскими государствами переживала бурный рост. В Старый свет тогда буквально хлынул поток китайских товаров. Особенно полюбилась европейцам керамика.

– И чем это отличается от сегодняшнего дня? – ни к кому особо не обращаясь, спросила Манон.

– Вы правы, история имеет свойство повторяться, – сказала Клеп. – Тогда, да и сейчас большинство из этих товаров не имело никакой ценности, кроме декоративной.

– Но вы думаете, что эта ваза особенная?

– Судя по тому, что она очень пузатая, и цвет росписи довольно яркий – скорее всего она сделана чуть пораньше торгового бума. Веке скорее в семнадцатом.

– А это значит, что стоимость ее должна быть выше. Во сколько вы оценили бы ее?

– С этим делом лучше обратиться к специалисту, боюсь, я не сильна в оценке антиквариата.

– Хотя бы примерно, – в глазах Манон сверкнул жадный блеск.

Инспектор Клеп пожала плечами.

– Ну если совсем примерно, что-то в районе двухсот тысяч, наверное...

Жан-Луи присвистнул.

– Двести тысяч? Ты представляешь, Манон, что только что произошло? Если бы не мадам Клеп, мы бы ни за что не нашли этот вазон. Так бы и считали, что она из Делфтского сервиза. Страшно подумать!

Он поднял вверх голову и в возмущении всплеснул руками.

– Видите, как дядя в вас верил, – заметила инспектор Клеп. – Ни на минуту не усомнился, что вы найдете вазочку. – Помню у нас был похожий случай, одна женщина была твердо уве-

рена, что муж ее любит и не изменяет. А если это вдруг измена нечаянно случится, он обязательно ей расскажет, покается и будет всю оставшуюся жизнь искупать свою вину и восстанавливать поруганную честь супруги. Благоверный ее, однако, такими строгими принципами не отличался. А может ему было наплевать на честь жены, поэтому у него давно уже была любовница. Он уже тогда собирался бросить жену и ждал только подходящего момента. Но момент не настал, жена узнала об измене и очень расстроилась. Она нашла где-то пистолет и застрелила изменника ночью, пока он спал. Не вынесла, что он растоптал ее веру в любовь.

Месяц спустя после истории с китайской вазой инспектор Клеп позвонили с неизвестного номера. Звонивший оказался ни кем иным как Жаном-Луи Бозоне, голос его звучал бодро и весело:

– Звоню, чтобы еще раз поблагодарить вас, мадам! Мою признательность просто не передать словами!

Инспектор Клеп довольно улыбалась.

– По вашему совету мы отнесли вазу оценщику из аукционного дома – месье Байярже. Он сказал, что ваза не семнадцатого века.

– Вот как? – произнесла Клеп с явным беспокойством.

– Все намного лучше: она датируется четырнадцатым веком! Эпоха Юань!

– Да вы что?! – воскликнула инспектор Клеп. – А этот ваш Байярже объяснил, как он это установил?

– Благодаря синему цвету. Рисунок на вазе сделан синим кобальтом, у него характерный для того времени насыщенный сапфировый цвет. А еще детали орнамента: жемчужины, охваченные пламенем, стилизованные лепестки лотоса, фриз из кипящих волн – они все типичны для юаньской керамики.

– Но это же просто потрясающая новость! Вы понимаете, что ваша вазочка – это, может быть, одно из первых фарфоровых китайских изделий?! Бело-синюю керамику стали производить как раз в эпоху Юань, иметь такую посуду тогда было высшим шиком. Возможно ваша ваза всего каких-то шестьсот лет назад стояла на столе у китайского императора.

– Ну, теперь она уже не моя, – весело сказала Жан-Луи. – Мы как самые что ни на есть приземленные материалисты решили, что деньги нам важнее искусства.

– Вас нельзя за это осуждать, все-таки дядя Вим вдоволь над вами поиздевался, заставив искать сокровище. Байярже, наверное, получил хорошие комиссионные?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.